

Юноша сложил пальцы в печать и сел, скрестив ноги. Духовная ци едва заметно заколыхалась вокруг, отсекая внешний мир: он уже вошёл в медитацию.

Красная родинка между бровей вспыхнула, окрашивая духовную силу в золотой цвет. Ци закрутилась подобно водовороту. Духовный источник в соседней комнате даже закипел от чудовищной силы притяжения; клубы пара собрались в подобие огромного дракона и медленно потянулись в даньтянь.

Фу Сыюань молча сидел рядом, охраняя его во время прорыва. Их ладони соприкасались. Он опустил глаза, и кончик пальца внезапно окрасился алым. Капля крови, обёрнутая духовной силой, превратилась в тончайшую нить и беззвучно смешалась с золотым «драконом» ци.

Алая нить вместе с потоком духовной силы вошла в даньтянь, прошла по каждому меридиану и в конце концов свернулась у самого сердца Гу Чэньюя.

Погрузившийся в медитацию юноша полностью отсёк внешние ощущения. Его даньтянь превратился в бездонную яму, непрерывно поглощавшую приходящую извне духовную силу. Властная ци наполняла каждую жилу, двигалась под кожей и проходила по всему телу.

Хруст. Хруст.

Суставы дрогнули. Кровеносные сосуды словно лопались и тут же перестраивались заново: духовная ци закаляла тело. Под золотым сиянием кожа стала ещё более гладкой и чистой, а и без того тонкие, красивые черты лица приобрели дополнительный блеск.

В мире культивации хватало одарённых людей, и гениев было немало.

Но нынешний талант Гу Чэньюя... Даже прежний Чися, пожалуй, признал бы себя хуже.

Когда Гу Чэньюй снова открыл глаза, прошло ровно пять дней. Даньтянь был полон, разум — ясным, тело — лёгким, а прежняя тяжесть в груди исчезла без следа.

Первая ступень Основания Фундамента — достигнута!

Гу Чэньюй раскрыл ладонь, ощущая перемены в теле, и улыбка на его губах внезапно застыла.

Кожа стала ещё гладче и упругее, мозоли на руках исчезли, а прежний пшеничный оттенок открытых участков тела превратился в тёплую белизну.

Да чтоб вас... Верните мне мой brutalный загар!

— А-Тан, А-Тан, посмотри на меня! Я теперь красивый?

Лишившийся «мужественного цвета» Гу Чэньюй схватил Фу Сьюаня за плечи и принялся трясти.

— Посмотри, посмотри!

Перед Фу Сьюанем был юноша с алыми губами и белыми зубами. Чёрные волосы были лишь небрежно перехвачены, несколько прядей падали на лоб, придавая ему лёгкий и чистый вид. В глазах будто мерцали тысячи звёзд, и в каждой отражался Фу Сьюань. Лежавшая на плече ладонь была чистой, тонкой, словно нефрит.

Кадык Фу Сьюаня тихо качнулся. Он снова уловил травяной аромат Гу Чэньюя и внезапно почувствовал сухость во рту.

— Красивый. Очень.

Гу Чэньюй с облегчением прижал руку к груди.

— Тогда хорошо, хорошо.

Старший, а я красивый?

В ответ прозвучал лишь слегка безмолвный системный сигнал Линлинци.

□Побочное задание №2 выполнено.□

□Сейчас будет выдана награда.□

□Три.□

Три дня? Три двойных часа? Три минуты?

□Два. Один.□

БУМ!!!

С оглушительным грохотом каменная стена раскололась. Пещерная обитель начала рушиться!

Мощный поток воды обрушился Гу Чэньюю прямо на голову и мгновенно промочил насквозь.

Из трещин в стенах хлынули бесчисленные струи, наперегонки разбивая камни. Гу Чэньюй вдруг понял: вся эта пещерная обитель находится под водой!

Юноша мгновенно сложил печать защиты от воды. Вокруг тела появилась бледно-голубая оболочка. Поток был настолько бурным, что превращался в водоворот; обломки и пузырьки полностью закрывали обзор, и невозможно было даже понять, где верх и где низ.

Фу Сыюань всё время оставался рядом.

— Осторожно.

Едва он закончил, как глубоко под ними взорвались ещё два серебристых водяных столба и подхватили обоих, выбрасывая вверх!

Тела резко взмыли в воздух на тридцать чи. Время словно застыло. Сквозь белую пену и брызги Гу Чэньюй увидел знакомую зелень.

Огромная сила швырнула их на каменистый берег. Фу Сыюань крепко прижал Гу Чэньюя к себе. Тот понял его намерение, весь напрягся и, не раздумывая, закрыл спину лучшего друга. В таком объятии они прокатились по берегу три круга и только тогда остановились.

— Кхе-кхе...

Гу Чэньюй не успел среагировать и наглотался воды.

— Кхе... уф...

Он уже хотел что-то сказать, как со свистом с неба свалилась восьмициневая травяная рыба и ударила его по затылку. Следом посыпались другие рыбы и креветки.

— Ай! Кто меня атакует?!

Гу Чэньюй резко обернулся и едва не получил по лицу хвостом подпрыгнувшей рыбины.

Он схватил её за хвост и сунул в мешок Цянькунь, а затем собрал туда всю живность, скакавшую по берегу.

— Вечером сварим суп из травяного карпа.

Сейчас было примерно после полудня. Солнце не пекло слишком сильно, вокруг него разливался светлый ореол.

Гу Чэньюй поднялся с Фу Сыюаня, внутренней силой высушил одежду и огляделся.

— Это Лунное озеро в горах Цанъинь. До деревни отсюда недалеко, всего полчаса пешком. Но в деревне ходит легенда, что в озере живёт духовный зверь, поэтому сюда почти никто не ходит. Кто бы подумал, что под водой скрывается целый другой мир.

— А-Тан, скорее! За мной, сюда!

Только услышав своё имя, Фу Сыюань привёл одежду в порядок, высушил её духовной силой и быстрым шагом последовал за любимым. Взгляд скользнул в сторону: на ветке сидела чёрная ворона и беззвучно наблюдала за ними.

Мрачный юноша слегка шевельнул пальцем. Ворона тут же взмахнула крыльями и улетела вдаль.

— Если посчитать дни, сегодня должно быть четырнадцатое число третьего месяца. Мы всё успеваем! Быстрее, быстрее!

Тёплое солнце ложилось на плечи двух юношей. Их тени косо тянулись рядом, почти касались друг друга — но никак не могли полностью совпасть.

Фу Сыюань смотрел на чёрные концы волос Гу Чэньюя и думал, что надо купить ему красную ленту. Его А-Юю идёт красный: сам он яркий, а в насыщенно-алом станет ещё красивее. К головному убору можно добавить золотую шпильку и подвески, на руку — нефритовый браслет. Нефрит будет мягко сиять и ещё сильнее подчеркнёт красивое запястье.

— Какова деревня Саньси?

— Хорошая. — Юноша не замедлил шага. — Конечно, с городом не сравнить, зато люди там очень добрые. Когда мне было десять, А-ма умерла. Тогда мне правда казалось, что небо обрушилось. Староста У и остальные сами помогли устроить похороны.

— Дядя Чэн охотник. Его жена слабая здоровьем, может только заниматься рукоделием дома. Каждый год тётушка Чжан обязательно шьёт для меня одну вещь. А их девчонка полна хитростей, носится туда-сюда целыми днями.

— У въезда в деревню под деревом всё время сидит Рябой Ван. Когда ему было сорок, оба его ребёнка умерли от голода, и с тех пор он сошёл с ума. Увидит ребёнка — обязательно даст рисовую конфету. Даже если деревенские сорванцы кидают в него камни, он только смеётся и спрашивает: «Вы не видели А-Ся и А-Юя? Они вашего возраста».

— Народу у нас мало, все семьи знают друг друга. Изначально это были беженцы, спасавшиеся от бедствий. После мора тридцать лет назад людей стало больше, и они осели в горах.

По дороге Гу Чэньюй сорвал с дерева две зелёные сливы, одну бросил Фу Сыюаню, вторую надкусил сам.

— Ух... У тётушки Хуа дома такое дерево тоже есть, только плоды постоянно воруют.

— Тьфу-тьфу! Кислятина! Как же кисло.

Он повернулся и увидел, что Фу Сыюань без всякого выражения лица доел свою сливу. Лицо Гу Чэньюя стало сложным, будто он хотел спросить: «Ты это вообще как проглотил?»

Он болтал обо всём подряд всю дорогу. Но когда вдали на жёлтой грунтовой дороге показались белые похоронные флаги, сердце ухнуло вниз. В деревне такие ставили только во время похорон. Неужели за те дни, что они провели в пещере, всё-таки что-то случилось?

Посреди белого дня дорога была совершенно пустой.

Плохо. Очень плохо.

Он, спотыкаясь, побежал к деревне. От входа промчался до самого конца и увидел возле собственной развалюхи целую толпу жителей в траурной одежде.

Ещё издалека слышался громкий плач.

— Эргоу! Эргоу-у! Проклятое Небо, глаз у тебя нет!

— Такой хороший ребёнок! В прошлый раз моя девочка заболела, выпила всего два отвара по его рецепту — и выздоровела. Он ни монеты не взял.

— В прошлом году у меня поясницу так прихватило, что с постели не встать, а он каждый день носил воду и помогал поливать поле! Такой живой, хороший мальчишка — и вдруг нет его! У-у-у...

— Моя жена всё хворает, а этот парень через день приносил ей лекарства. Эх...

Жители перебивали друг друга, вспоминая добрые дела Гу Чэньюя при жизни, и плакали всё сильнее.

Громче всех рыдала тётушка Хуа.

— Ребёнок с малых лет без отца и матери, в десять и бабушку потерял. Один-единёшенек, бедняжка, никогда не жаловался, самый покладистый... Еле до такого возраста дотянул — и как же теперь...

Она задохнулась от слёз и больше не смогла говорить, только раз за разом бросала на землю жёлтую бумагу.

Кто-то дрожащими руками принёс чашу риса с тремя воткнутыми благовонными палочками и поставил у двери соломенной хижины.

— Поешь хорошенько, дитя, и отправляйся в путь сытым.

Дети мало что понимали, но, глядя на взрослых, тоже плакали.

Чэн Сяохуа, прижавшись к матери, рыдала так, что не могла вдохнуть.

— Не верю, что братец Эргоу ушёл! Он ещё не научил меня разбираться в травах! Мама врёт!

У Чунь стоял, сгорбившись и опираясь на трость. Казалось, на висках у него за один день прибавилось серебра. В мутных глазах блеснули слёзы, и старик стёр их костлявой тыльной стороной ладони.

Шесть лет назад он собственноручно устраивал похороны А-ма из семьи Гу. Кто бы мог подумать, что теперь снова придётся старому хоронить молодого? Староста заговорил тяжёлым голосом, подавляя тоску.

— Спасибо всем, что пришли. Судьба у этого ребёнка дурная... Видимо, так было предначертано...

— У-у-у...

Всхлипы не прекращались.

Картина была до крайности трогательной — если не учитывать, что сам Гу Чэньюй живой и здоровый стоял за спинами всей толпы.

□У-у-у... Как трогательно. Посвящаю вам песню «Три цуня рая».□

Юноша хотел вмешаться, но никак не мог найти момент. Пришлось выслушать половину песни, и он вдруг тоже проникся печалью: глаза даже увлажнились.

— Дедушка-староста, Сяохуа, Эрню, брат Шуйшэн, тётушка Хуа, дядя Чэнь, тётушка У...

Чистый голос юноши прозвучал сзади, по очереди называя всех.

В одно мгновение плач оборвался.

Все жители разом обернулись.

Вот чёрт. Привидение.

Гу Чэньюй:

— ...

Глядя, как родные по нему убиваются, он был невероятно тронут, но одновременно не знал, смеяться ему или плакать. Гу Чэньюй выдохнул, почесал затылок и пару раз подпрыгнул на месте.

— Я... э-э... вообще-то ещё не умер.

Все:

— ...

Гу Чэньюй:

— ...

Фу Сыюань:

— ...

Повисла странная тишина.

Примерно через половину времени, за которое стораёт благовонная палочка...

— Ах ты паршивец!!! Где тебя носило?!

Староста У первым бросился вперёд, размахивая тростью. Он хотел как следует огреть юношу

по спине, но в последний миг резко ослабил силу, так что две палки лишь обозначили удар.

— Моё старое сердце чуть не остановилось... кхе-кхе-кхе...

Гу Чэньюй тут же склонил голову, признавая вину, и принялся просить прощения.

Тётушка Хуа схватила его за запястье, принялась осматривать со всех сторон и снова расплакалась.

— Да мы всей деревней думали, что тебя волки сожрали, пока ты травы собирал! Бессердечный мальчишка, ты тётку до смерти напугал!

Опасения оказались ложными. Гу Чэньюй в нескольких фразах рассказал, что произошло, разумеется, серьёзно отредактировав историю. Он не стал раскрывать всё, а лишь сообщил, что встретил в задних горах бессмертного, тот захотел проверить его природные задатки и потому оставил его у себя в горах на пять дней.

— Бессмертного? Вот оно что... А я смотрю, Эргоу будто припудрился — стал ещё нежнее да пригожее!

«Настоящий бессмертный» Фу Сьюань невозмутимо выдерживал любопытные и почтительные взгляды жителей. Он казался отстранённым и спокойным.

Культиваторы встречались чрезвычайно редко: едва ли один на тысячу обычных людей обладал подходящими корнями. Даже смешанные пять духовных корней земного ранга среди смертных считались великим событием.

Кто-то зашептался:

— ...Этот бессмертный больно молоденький. Прямо как мой пацан.

— Все бессмертные такие. С виду мальчишка, а на деле ему тысячи, десятки тысяч лет!

— А? Так это же «тысяча лет — черепаха, десять тысяч...»

— Тьфу-тьфу-тьфу! Что несёшь?

— Бессмертный уведёт Эргоу на Восток? Значит, и из нашей Саньси выйдет великий человек!

У Чунь задумчиво посмотрел на стоявших плечом к плечу юношей, махнул рукой и разогнал шумную толпу, после чего отвёл обоих в дом.

— Ты с детства был разумным и не доставлял хлопот. Хочешь стать бессмертным — я, твой дед, от души рад. Но вижу, ты всё ещё что-то недоговариваешь. Есть дело, которое не даёт покоя?

Гу Чэньюй шагнул вперёд, крепко взял старосту за руку и серьёзно произнёс:

— Есть. Дедушка, от этого зависит жизнь всех жителей деревни Саньси — больше десятка человек!

<http://bllate.org/book/19829/1959935>